

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)6

Проблема самоидентификации россиян в XXI в.: геополитические и региональные аспекты

Н.А. Васильева¹, С.Н. Погодин²

¹Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

The Problem of Self-identification of Russians in the 21st Century: Geopolitical and Regional Aspects

N.A. Vasilyeva¹, S.N. Pogodin²

¹Saint Petersburg University (Saint Petersburg, Russia)

²Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia)

Территориальные изменения, которые сопровождали процесс развала СССР, поставили вопрос о самоидентификации россиян. Необходимо было определить геополитические координаты новой державной идентичности как международно-признанного статуса РФ, а также региональные координаты национальных и историко-культурных пространств. Согласно социологическим исследованиям наметился тренд в самоидентификации россиян как гражданской нации, где этнические и конфессиональные идентичности постепенно отходят на второй план, уступая место державности как символу единства многонационального народа. Однако сохраняется и региональная самоидентификация, в основном в рамках субъектов Федерации. Важно рассмотреть процессы формирования современной самоидентификации россиян в контексте глобальной регионализации, где Россия выбирает вектор следующий развития: Запад — Восток, Север — Юг. Явно утрачиваются политические и экономические основания для европейской региональной идентификации россиян, что связано с возросшей напряженностью и явной враждебностью во взаимоотношениях со странами Европы и с Западом в целом. Обоснованные опасения территориальной и экономической экспансии азиатских соседей (Китай, Япония) и многовекторная внешняя политика стран Центральной Азии ослабляют евразийские региональные идентификационные тенденции.

The territorial changes that accompanied the process of the collapse of the USSR raised the question of the self-identification of Russians, since it was necessary to determine, both in the geopolitical coordinates of the new sovereign identity of the internationally recognized status of the Russian Federation, and in the regional coordinates of national and historical and cultural spaces. According to sociological studies, a trend has emerged in the self-identification of Russians as a civil nation, where ethnic and confessional identities are gradually fading into the background, giving way to the concept of statehood as a symbol of the unity of a multinational people. In this regard, it is logical to consider the processes of the formation of modern self-identification of Russians in the context of global regionalization, where Russia chooses the vector of development: West-East, North-South. The political and economic foundations for the European regional identification of Russians are clearly being lost, which is associated with the increased tension and obvious hostility in relations with the countries of Europe and with the West in general; well-founded fears of territorial and economic expansion of Asian neighbors (China, Japan) and multi-vector foreign policy of the Central Asian countries weaken the Eurasian regional identification tendencies.

В этой связи представляется перспективной тенденция северной/арктической самоидентификации россиян, что, во-первых, исторически связано с зарождением российской государственности в северных регионах и, во-вторых, отражает важную экономическую и политическую направленность развития России в XXI в.

Ключевые слова: Россия, геополитическая и региональная самоидентификация россиян, державность, северная/арктическая идентификация, вестернизация, евразийская идентичность.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)5-01

После развала СССР произошли серьезные изменения во властных структурах, в экономике, социальной сфере, что повлекло за собой переоценку гражданами России основных ценностных ориентиров, поскольку идентификационная система советского типа ушла в прошлое. Такие понятия, как «советский народ», «советская власть» и прочие, более не отражали реалии настоящего времени, а потому нужно было найти новые ориентиры, сплачивающие граждан в единую общность. В этой связи в период президентства Б.Н. Ельцина была даже создана комиссия по разработке национальной идеи, но данная попытка не увенчалась успехом. Большие надежды возлагались на русско-православный идентификационный признак, однако конфессиональная принадлежность носит, скорее, поверхностный характер.

Преодоление кризиса идентичности в России активно обсуждается в экспертных кругах. Так, по мнению Е.Е. Дутчак, Э.Л. Львова, И.В. Нам, разрабатывается универсальная формула «россияне», способная заменить «советский народ», но наряду с этим активно развиваются процессы самоидентификации, присутствующие как этническим, так и большим территориальным общностям [1]. В свою очередь Р.Ф. Туровский акцентирует внимание как на формировании общегражданской идентичности со своим набором консенсусных ценностей, так и на регионализации общественного сознания, поскольку возрождение регионального самосознания активно идет в европейских странах [2].

Различая «идентичность» как категорию практики и научного анализа, О.Ю. Малинова отмечает, что «в современном обществе идентичности становятся все более множественными, фрагментарными, зависимыми от контекста; они имеют радикально исторический характер и постоянно находятся в состоянии изменения и трансформации» [3, с. 11]. Г.М. Казакова заостряет внимание на принципе конструирования региональной идентичности, в основе которого формула «мы — они». «В качестве осей структурирования региональной идентично-

In this regard, there is a promising tendency for the northern / arctic self-identification of Russians, which, firstly, is historically associated with the emergence of Russian statehood in the northern regions, and secondly, reflects the important economic and political direction of the development of Russia in the 21st century.

Key words: Russia, geopolitical and regional self-identification of Russians, statehood, northern / arctic identification, Westernization, Eurasian identity.

сти выступают: выбор Другого в качестве объекта для сравнения и выбор отношения к Другому (господство — подчинение, друг — враг, кооперация — конкуренция). При этом природа региональной идентичности усложняется тем, что выбор значимого Другого происходит на нескольких уровнях: объектами для сопоставления служат другие регионы, Федеральный центр, Россия в целом, другие страны, а также реальное и/или воображаемое прошлое, настоящее и будущее самого региона» [4, с. 16].

Таким образом, можно констатировать, что многие исследователи проблематики российской идентичности отмечают дискурсивный характер изучаемого процесса. Поэтому представляется, что *методологически* проблеме геополитической и региональной самоидентификации россиян наиболее соответствует конструктивистский подход, оперирующий такими понятиями, как идентичность, культурные и религиозные ценности. На первый план выходит постмодернистский принцип множественности истин как отрицание унификации, что и отражает многовекторность идентификационных характеристик современных россиян. По словам М. Фуко, «идентичность, <...> которую мы пытаемся застраховать и спрятать под маской, сама по себе лишь пародия: ее населяет множественность, в ней спорят несметные души; пересекаются и повелевают друг другом системы <...>. И в каждой из этих душ история откроет не забытую и всегда готовую возродиться идентичность, но сложную систему элементов, многочисленных в свою очередь, различных, над которыми не властна никакая сила синтеза» [5, с. 74–75].

Если исходить из этого методологического принципа, закономерно звучат вопросы, которые ставит В. Федоров, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ): «Кто такие россияне в XXI веке? Что их объединяет и заставляет двигаться вместе в одном направлении? Есть ли у них общее будущее — и если да, то каково оно? Идентичность — понятие столь же комплексное

и нечеткое, как и «общество», «культура», «порядок» и другие. Дискуссии вокруг определения идентичности идут давно и продолжатся еще долго. Ясно одно: без анализа идентичности мы не сможем ответить ни на один из поставленных выше вопросов» [6].

В этой связи логично рассмотреть процессы формирования современной идентификации россиян с разных сторон, учитывая геополитическую и региональную самоидентификацию, что связано с осознанием державного единства страны и многообразной региональной специфики. Таким образом, формируется двойственное восприятие географического и социального пространства. Как отмечал П. Бурдые, «социальное пространство — не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно. Это объясняет то, что нам так трудно осмысливать его именно как физическое. То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально размеченным и сконструированным» [7, с. 53]. В этом смысле социальное пространство россиян характеризуется «двойной идентичностью», где «региональная идентичность нередко обретает новые формы выражения, конструируемые местными элитами, которые опираются и на устоявшуюся мифологическую, и на развивающуюся историческую традицию» [1, с. 42].

Так, например, в 1990-е гг., когда осуществлялись социально-политические и экономические трансформации государства, на первый план вышла региональная и национальная идентичность, что нашло отражение в политике Б.Н. Ельцина, когда он предложил национальным республикам России «взять столько суверенитета, сколько они могут унести», что вызвало ответное желание руководителя Свердловской области Э. Росселя объявить о создании на Урале «Русской республики». Подобные шаги могли привести к развалу уже и Российской Федерации на «удельные княжества», соответственно, психологически лишить граждан страны самоидентификации как граждан единой страны. Прошедшее в 2000-е гг. законодательное усиление федеративного единства страны позволило укрепить самоидентификацию граждан как россиян.

Анализируя затяжной «кризис идентичности» в постсоветской России, проявляющийся в болезненном привыкании россиян к новому месту в геополитическом пространстве на территории бывшего СССР и к новым формам консолидации внутри Российской Федерации, Э.А. Паин выделяет две основные причины этого кризиса: «во-первых, жители Российской Федерации в период, когда она была одной из 15 республик СССР, редко ассоциировали себя именно с Россией, считая своей родиной весь Советский Союз. Поэтому распад Союза болезненно переживался большинством россиян, привыкших

жить в большой стране. Во-вторых, общероссийская идентичность не рождалась в ходе национальных движений, как в других новых независимых государствах, напротив, националисты различных направлений препятствовали, в различной мере и в разных формах, развитию единой гражданской идентичности жителей России» [8, с. 5].

В этой связи необходимо подчеркнуть важность исторической памяти как интегративного компонента, объединяющего региональный и геополитический тип коллективной идентичности на основе памяти предков, отстаивавших независимость Отечества на разных этапах истории. Согласно результатам опроса Левада-Центра, посвященного изучению национальной идентичности, большинство респондентов связывают ее именно с общим историческим прошлым. Так, на вопрос о том, с чем связывается у них мысль о своем народе, каждый второй участник опроса отметил «наше прошлое, наша история» (53%). Говоря о гордости за свою страну, большинство россиян связывают ее с победой в Великой Отечественной войне (87%), а также с ведущей ролью страны в освоении космоса (50%), возвращением Крыма в состав РФ (45%), великой русской литературой (40%), достижениями российской науки (37%) и др. [9].

Территориальные изменения, которые сопровождали процесс развала СССР, поставили вопрос о пространственной самоидентификации россиян, поскольку необходимо было определить в геополитических координатах новой державной идентичности признанный международно статус, что нашло свою реализацию в концептуальном понятии «РФ — продолжатель СССР». На этом базисе начали складываться ментальные стереотипы державности, что нашло свое отражение в становлении новой философии политики России, где акцент ставится на принципе суверенитета и территориальной целостности государства. Фактически в современном мире реальным суверенитетом, т.е. правом самостоятельно осуществлять высшую власть на своей территории, обладают далеко не многие государства, а потому укрепившаяся в последние десятилетия реальная внешнеполитическая независимость России имеет для россиян важное символическое значение. Как отмечает О.Б. Сладкова, «патриотизм россиян выходит за рамки внешне атрибутивных проявлений, и в большей степени связывается с внутренними, содержательными моментами: с образами русской природы, отечественной историей, национальным искусством, личностями выдающихся людей. Большинство россиян именно при помощи этих понятий и категорий описывают свою принадлежность к социокультурному пространству» [10]. В этом контексте становится понятным позитивный отклик россиян на присоединение Крыма как утраченной

части общей Родины. В этой связи вновь стал часто употребляться термин «державность», что подчеркивает особый геополитический характер российской государственности. Ежегодно проводимые социологические исследования, посвященные вопросам национальной идентификации россиян, исторической памяти, исторического самосознания, национально-менталитета, динамики этнической и гражданской идентичности, свидетельствуют о том, что граждане Российской Федерации гордятся своей историей, уверены в «величии» своей страны, считают, что русскому народу принадлежит «особое место». Согласие с мнением о «великодержавности» России выражают 75% россиян, и в 2018 г. этот показатель вырос по сравнению с результатами опроса 2017 г., большинство также согласно с тем, что «Россия должна сохранить за собой роль великой державы» [9].

С точки зрения российской исторической ретроспекции неуклонное территориальное расширение, реализация принципа «внутреннего колониализма» являлось основой формирования государства-цивилизации, где понятие «держава», а не «нация», стало главным идеологическим базисом общественного сознания россиян. Протяженность границ, не защищенных естественными преградами, вызвала к жизни обостренное чувство опасности, которое, в свою очередь, повлияло на формирование военизированного стиля внешней политики. Хрестоматийным стало выражение Александра III: «Во всем свете у нас только два верных союзника — наша армия и флот» [11]. Подобное восприятие характерно и для современного российского самосознания, поскольку развал союзного государства повлек за собой многочисленные вооруженные конфликты по всему периметру границ. При этом возникло ощущение, что российские территории находятся в центре «острова» Евразия, а этот остров окружают далеко не дружественные государства.

Оказавшись на перепутье Востока и Запада, Европы и Азии, Россия в очередной раз встала перед вопросом о своей геополитической идентификации. На протяжении многих веков в сознании россиян формировалась вестернизационная модель идентификации, однако это не мешало им помнить и о своих татаро-монгольских характеристиках. Подобная многовекторность российской идентификации во многом объясняется полиэтнической и многоконфессиональной структурой населения. Поэтому на кризисных этапах развития страны всякий раз встают вопросы сосуществования различных культур и традиций, что порождает дискуссии «западников» и «славянофилов» о самоидентификации.

В последнее время многие эксперты пишут о российском «повороте на Восток», формировании евразийской идентификации, однако тут есть свои

«подводные» камни. С южной и восточной евразийской стороны соседями являются или крупные державы (Китай), или государства, находящиеся под влиянием ведущих государств мира (страны Центральной Азии и Южного Кавказа), поэтому необходимо тратить много военно-политических сил на сдерживание потенциальных соперников за влияние в Средней Азии и на Кавказе. Что касается бывших советских республик, то для удержания их в зоне влияния России требуются огромные финансовые и ресурсные затраты. Поэтому современной России идентифицировать себя как евразийскую державу крайне сложно, учитывая еще и стремление Китая доминировать в евразийском регионе.

С точки зрения вестернизационных констант нужно уйти и от европейской доминанты в конструировании видения российского геополитического пространства. Данные методологические подходы находят свое подтверждение в социологических исследованиях, в частности Левада-Центра. Доля людей, считающих Россию европейской страной, стремительно сокращается. Если в сентябре 2008 г. их было 52%, то в августе 2019 г. — уже 37%, т.е. сократилось на 15 процентных пунктов за 10 лет. Однако за последующие полтора года — к февралю 2021 г. — их доля упала еще на восемь процентных пунктов, до 29%. Число тех, кто считает себя европейцем, тоже сокращается: 35% — в 2008 г., 33% — в 2019 г., 27% — в 2021 г. Многолетний конфликт Москвы с Западом, санкции, демонизация России западными СМИ — все это повлияло на умы не только западных зрителей, но и российских. Демонстративная враждебность и несправедливое отношение со стороны американцев и европейцев привели к отчуждению россиян от Запада (и Европы в частности), стремлению не ассоциировать себя с врагами [12].

Таким образом, сложившаяся ситуация объективно стимулирует Россию к поискам новых геополитических форм самоидентификации. В этой связи в последнее время ряд экспертов [13] склоняются к идее северной/арктической идентификации россиян, поскольку смещение российского географического положения после распада СССР заставляет осознать свое северное державное предназначение, учитывая глобальный интерес ведущих государств мира к освоению Арктики. В смысловой связке «Север — Арктика» под «Севером» подразумевается геополитическое и историко-культурное пространство, в котором находит свою современную государственную идентичность Россия. При этом «Арктика» представляет собой часть этого пространства, где могут быть реализованы (в условиях жесткой конкурентной борьбы с другими арктическими и неарктическими странами) статусные цели (политические и экономические) новой российской

державности. Тем более, что исторически российская государственность начиналась с северных территорий. Причем и в восприятии граждан других стран образ России всегда связан с такими северными мотивами, как мороз, дремучие леса и бескрайние просторы.

Представляется, что в современных условиях именно северные регионы России определяют ресурсное богатство страны. А происходящее изменение климата во многом может создать благоприятные условия развития страны за счет северных территорий. Важно подчеркнуть, что осваивать Север едут молодые люди с разных концов страны, что способствует многонациональному единению, формированию общенациональных приоритетов и символов. Как отмечает О.Б. Сладкова, основания для объединения россиян воплощаются в таких позитивных характеристиках, как национальная гордость, удовлетворение от чувства принадлежности именно к данному конкретному обществу. Результаты опросов показывают, что большинство россиян формально разделяют эту позицию — 80,5% и признают достойными уважения традиции и историю России. Около 91% считают измену Родине наказанием, заслуживающим смертной казни. В случае нападения врага лишь 13,8% отказываются рисковать своей жизнью ради защиты Родины. В Италии это число составляло более 70%, а в Бельгии — около 80%.

Таким образом, принадлежность к российскому социуму остается для россиян одной из немногочисленных точек соприкосновения, объединяющих различные социокультурные слои общества [10].

Таким образом, становление самоидентификации россиян в первой четверти XXI в. сопряжено с рядом сложных проблем. Во-первых, еще остаются элементы советской идентичности (постсоветское пространство, братские народы и пр.), что поддерживает иллюзорные надежды на советское возрождение. Во-вторых, явно утрачиваются основания для самоидентификации россиян как евразийцев или европейцев, что связано с возросшей напряженностью и явной враждебностью во взаимоотношениях со странами Европы и с опасениями экономической экспансии азиатских соседей. В этом плане представляется перспективной тенденция северной самоидентификации россиян, что отражает важную экономическую и политическую направленность развития России. В-третьих, согласно социологическим исследованиям наметился тренд в самоидентификации россиян как гражданской нации, где этнические и конфессиональные идентичности постепенно отходят на второй план, уступая место державности как символу единства многонационального народа. В то же время региональная идентичность остается важным элементом самосознания народов, проживающих в субъектах Федерации.

Библиографический список

1. Дутчак Е.Е., Львова Э.Л., Нам И.В. Сибирская региональная идентичность — фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? // Известия Иркутского государственного университета Серия: История. 2012. № 2 (3), ч. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sibirskaya-regionalnaya-identichnost-faktor-konflikta-ili-resurs-formirovaniya-obscherossiyskoy-identichnosti/viewer> (дата обращения: 25.04.2021).
2. Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России. URL: www.regional-science.ru/files/turovsky/4-20.doc (дата обращения: 25.04.2021).
3. Малинова О.Ю. Идентичность как категория практики и научного анализа: о различии подходов // Права человека и проблемы идентичности в России в современном мире / под ред. О.Ю. Малиновой и А.Ю. Сунгурова. СПб., 2005.
4. Казакова Г.М. Российская региональная идентичность: современный культурологический дискурс // Вестник МГУКИ. 2008. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-regionalnaya-identichnost-sovremennyy-kulturnologicheskyy-diskurs/viewer> (дата обращения: 25.04.2021).
5. Фуко М. Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна : сборник переводов и рефератов. Минск, 1996.
6. Федоров В. Российская идентичность и вызовы времени. URL: <https://ria.ru/20130819/957220962.html> (дата обращения: 25.03.2021).
7. Бурдые П. Социология социального пространства : пер. с франц. / отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М. ; СПб., 2007. URL: https://moshist.ru/upload/files/20142015/rider/Burde_P_Sots_prostranstvo.pdf (дата обращения: 20.04.2021).
8. Паин Э. Проблемы самоидентификации россиян со страной, с регионом, с этнической общностью // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М., 2003.
9. Национальная идентичность и гордость // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/> (дата обращения: 20.03.2021).

10. Сладкова О.Б. Самоидентификация россиян в условиях информационного общества. URL: http://theoryofculture.ru/issues/2014_01/509/ (дата обращения: 01.03.2021).

11. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / сост. В. Серов. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/19/19.htm> (дата обращения: 17.03.2021).

12. Мирзаян Г. Почему все меньше россиян считают себя европейцами. URL: <https://vz.ru/society/2021/3/23/1090729.html> (дата обращения: 22.03.2021).

13. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире. Архангельск, 2013.